

Виктория Побединская

48 минут ПЕПЕЛ

Глава 1

ВОСПОМИНАНИЯ

— Непроизвольная память стерта.

Я щурюсь от холодного света ламп над головой.

— Эмоциональная привязанность удалена, — продолжает механический голос.

Мышцы сводит, будто тело пробыло в одном положении слишком долго. Я пытаюсь сесть, но ничего не выходит.

— Долговременная память уничтожена.

Сквозь шум крови в ушах я все еще слышу холодный голос, который произносит эти слова снова и снова.

— Ник, Арт, вы здесь? — пытаюсь произнести я, но язык не подчиняется.

— Операция завершена.

И тут я понимаю, что снова нахожусь в лаборатории. Это, должно быть, ошибка. Они не должны были нас поймать! Я изо всех сил пытаюсь, но не могу сбежать. Вырываюсь, бьюсь в крепко удерживающем на месте кресле, кричу — только из горла не вырывается ни звука, так что остается только жалобно скулить, принимая неизбежное.

— Загрузка прошла успешно!

Я падаю в глубину собственного подсознания, напоминающего о том, что меня больше нет. Уничтожили вместе с памятью. Все, что я могу, — лишь безмолвно выть, пока наконец не просыпаюсь от того, что подушка пропиталась слезами. Горло пересохло так, что, кажется, не вдохнуть. Я закрываю лицо руками. Кислорода не хватает, поэтому пытаюсь глотнуть хоть немного воздуха ртом, как вдруг чувствую, что запястья снова скованы. Только это прикосновение не холодного металла, а теплых рук.

— Тише. Спи, я здесь, — шепчет до боли знакомый голос, и, уткнувшись носом в плечо Ника, я разрешаю себе разрыдаться, а он разрешает мне побыть слабой и беспомощной. Гладит по голове, зарываясь в волосы пальцами, водит по моей щеке кончиком носа, едва задевая губами висок, и, успокаивая, повторяет: — Я буду рядом.

Я качаю головой:

— Я знаю, что ты уйдешь.

Хочется сказать, как я сожалею обо всем, что, вернись мы назад, не повторю своих ошибок. Стану для него поддержкой, тем человеком, на которого он сможет положиться, — но вместо этого жалобно прошу:

— Не уходи.

Хочется кричать, умолять его не оставлять меня, но Ник никогда не послушается. Крепче прижимаясь к его груди, я закрываю глаза, чтобы еще капельку погреться чужим теплом. Ведь за окном зима, и тепла катастрофически не хватает.

— Я буду здесь, я ведь обещал.

Не уверена, злюсь ли на него, ненавижу, ску-чаю или люблю, — но у его обещаний привкус горечи, ведь что-то внутри меня точно знает: это неправда. И, все так же не открывая глаза, шепчу:

— Ложь. Ты всегда уходишь.

— Из нас двоих только ты лжешь себе, Веснушка. Ведь это твои сны.

Я крепче сжимаю кулаки, надеясь почувствовать между пальцами ткань рубашки, но открываю глаза и понимаю, что вцепилась в пододеяльник. Протягиваю руку, но на кровати пусто. Ничего, кроме ледяной ткани простыни. А значит, не было ни теплых рук, ни длинных пальцев, перебирающих волосы, ни тихого успокаивающего голоса. И я снова закрываю глаза...

Следующие несколько дней я не могу заставить себя подняться. Словно то самое солнце, про которое так часто писал Ник, внутри меня погасло. Не стало того, кому нужен этот свет. И самого света не стало. Я не хочу есть, пить, двигаться. Просто лежу в кровати, потертое изголовье которой стало уже почти родным, гляжу в растрескавшуюся стенку, изредка проваливаюсь в сон. Чувство вины вкупе с потерей единственного человека, который меня по-настоящему знал, ощущаются так опустошающе гулко, что, кажется, никогда не станет легче. Но более всего бьет пришедшая в одну из бессонных ночей мысль, столь же внезапная, сколь повергающая в шок: «Я могла бы в него влюбиться. Просто не захотела».

Я прикрываю глаза, восстанавливая по крупницам его образ в голове. Острый взгляд, черные пряди, улыбку со вздернутым уголком губ, обнажающую левый клык, острый, словно у волчонка, и эта улыбка так отвратительно подходит под его характер, что становится смешно. До истерики. Расхохотаться бы во всю мощь легких, так, чтобы не вдохнуть, но вместо этого из горла вырывается только сухой кашель. Я пытаюсь встать, но в глазах темнеет от слабости, а хрипы отдают в горле удушьем. Если я продолжу захлебываться в одиночестве, запершись в комнате, у меня точно съедет крыша.

Ник считал, что у нас все получится. И если он все тот же упрямый идиот, каким был, наверное, и тысячу жизней до этого, он не сдастся. А раз так, значит, и я должна верить. Если не в себя, то в него.

Я цепляюсь за надежду, что когда-нибудь мы обязательно встретимся. Стараюсь до этой мысли дотянуться, ухватиться за нее, как за спасательный круг в открытом море. Кое-как поднявшись, ковыляю в ванную и впервые за много дней встречаюсь со своим отражением.

— Ох, господи, — глядя на спутанные волосы и тени под глазами, произношу я.

Перехватив волосы, стряхиваю с себя одежду и запикиваю ее в стиральную машину.

— Тебе еще везет, что за веснушками не видно красных пятен, — говорю я, натягивая чистые штаны и свитер, принадлежавший Нику. Запаха там уже не осталось, зато ловко имитируется

атмосфера его присутствия. — А если волосы сами по себе сбиваются каждое утро в колтун, то и это гнездо никто не заметит, — добавляя я, доставая расческу.

Управившись с внешним видом, спускаюсь по лестнице, сворачиваю за угол, где зеркало на стене ловит мое тусклое отражение, уже не столь пугающее, и, услышав родные голоса, останавливаюсь.

— Часть файлов защищена паролем, то есть внутри что-то важное. Если Ник их отметил, значит, точно об этом знал, — говорит Шон.

Из коридора я могу разглядеть только его напряженную спину, склонившуюся над компьютером.

— И что там, по-твоему? — отзывается Арт.

— Если то, что происходит в Кораксе, не согласуется с политикой правительства, тогда, может, эти опыты настолько дики и неприемлемы с точки зрения морали, что произвели бы общественный резонанс? Какие-нибудь подтверждения незаконной деятельности?

— По-моему, даже того, что есть на диске, уже достаточно, чтобы прихлопнуть Максфилда как таракана.

— Это не доказательства, Арт, ты же понимаешь.

— Вот же засада. — Кавано плюхается с ногами в старое кресло и, судя по звуку, принимается бросать в стену резиновый мяч. — Так, значит, нам надо теперь искать ту самую Рейвен?

— Думаю, да. Скорее всего, у них был договор: ее свобода в обмен на пароль от файлов

Третьей лаборатории. Такая, как она, ни за что не выдаст козыри, не имея гарантий, что Ник не блефует.

— Такая, как она? — удивленно переспрашивает Арт.

— Не важно, — отмахивается Шон и тут же переводит тему: — Вероятно, именно ее пытались бы вытащить Ник, будь он здесь.

— Жаль, он не здесь.

Я глубоко вдыхаю, сдерживая слезы, потому что знаю: стоит начать плакать — уже не смогу остановиться. Вместо того чтобы дать волю чувствам, накидываю объемную вязаную кофту и впервые за три дня выхожу на улицу.

Двухэтажный бревенчатый дом стоит практически на краю мира. Дальше — только тысячи тонн воды, разбивающиеся об острые белоснежные скалы. Здесь много северного ветра, пронизывающего влажного воздуха, но и он не спасает. Все меня здесь душит. Стены давят, гнетут оглушающее одиночество, болезненная пустота, а больше всего — мысли.

Если бы Ник остался...

Если бы прочитал все то, что сам написал...

Как бы он хотел, чтобы я поступила?

Хочется закричать, что он меня переоценил, швырнуть эти слова ему в лицо, но мой голос сейчас не громче писка. Холод вливается в кожу, проникая в самые кости, хотя, кажется, погода тут ни при чем. Я поеживаюсь и плотнее запахиваю кардиган. Хочется сбежать, только с каждым шагом все очевиднее: далеко уйти не получится.

Сегодня явно не мой день. А если так, то самый правильный вариант — вернуться в тишину своей комнаты, и я переставляю ноги, движимая лишь одним желанием — поскорее ото всех закрыться. Поднявшись к себе, скидываю кардиган и ложусь в кокон одеяла, прислоняюсь макушкой к кожаному изголовью. Обессилев, проваливаюсь в дрему, пока до меня не доносятся шаги из коридора. Судя по мягкой поступи, это Арт.

Он заходит в комнату и садится на кровать. Матрас прогибается, и я поневоле сползаю в сторону Кавано.

— Хватит киснуть! От того, что ты затопишь слезами оба этажа, ничего не изменится.

— Тебя Шон подослал? — Голос хрипит то ли от усталости, то ли от долгого молчания. — Он теперь тоже в курсе?

Уже от осознания, что еще один человек выпотрошит всю мою (нашу с Ником?) жизнь, хочется скулить, повторяя мантру про дурной сон.

— По лишь ему известным моральным принципам он читать отказался. Занялся изучением документов, которые Ник на диске собрал.

Я резко разворачиваюсь, сталкиваюсь взглядом с Артуром. Судя по лицу, он уже знает, о чем я хочу спросить, но молчит. Осторожно произношу:

— Ты ему рассказал? О нас?

Арт притворно надует губы.

— Тогда и не говори, ладно? Я не хочу, чтоб кто-то еще знал.

— Почему? — спрашивает он тихо и мягко, но этот простой вопрос задает сильнее любых обвинений.

— Все стало слишком сложно. — Я отворачиваюсь и снова утыкаюсь лицом в подушку, пытаюсь скрыть вспыхнувшие на лице эмоции. — Он не вернется, Арт. Если вообще жив. Ты же знаешь, Ник упрямый, как черт, даже номер сменил, чтобы мы не смогли его найти.

Кто-то другой не заметил бы моих слез, но не Арти. Уже в следующую секунду он поднимает меня, усаживая рядом. Откидывается на подушки, и я крепче прижимаюсь к его боку, уткнувшись щекой в рубашку.

— Ты злишься на него? — спрашивает он, бережно поглаживая меня по волосам, и я киваю. — Значит, я не ошибся. Ник тебе дорог. Так злятся лишь на тех, кого больше всего боятся потерять. И я думаю, он вернется. Ведь Ник на тебя всегда по-особенному смотрел.

— Тогда почему он не выходит на связь? Уже месяц! Однозначно же, Джесс все ему рассказал еще в первый день. Думаешь, он нас ненавидит?

— Вряд ли. Ник не стал бы дуться из-за такой ерунды.

— Тогда я не понимаю... Неужели нельзя написать или позвонить?

— Он вернется.

— И я его придушу.

— Ты обнимешь его, показывая, как скучала, — поправляет Арт.

— В таком случае придушу в смертельном объятии, — сопротивляюсь я.

— Звучит уже оптимистичней. Если над последней версией поработать, к его возвращению, может, мы даже до поцелуя в щечку дойдем, — добавляет он.

И я смеюсь. Впервые за долгое время.

Весь следующий день проходит в полубреду — от головной боли из-за слез и трехдневной голодовки, — а также в попытках отвлечь себя хоть чем-то, лишь бы держаться подальше от спальни. Чтобы занять руки, я решаю разгрести на кухне возникшие завалы, и, как истинный джентльмен, Шон вызывается помочь. А может, просто хочет убедиться, что я в порядке и не виню себя в произошедшем. Впервые за это время посмотрев в глаза Рида, читаю в них такую же растерянность. И хотя я уверена, что у него ко мне миллион вопросов, он не задает ни одного, просто трудится рядом, ожидая, что я расскажу сама. Только вот рассказывать нечего. Так что куча грязной посуды в комплекте с тоскливыми мыслями и побитым взглядом Шона — единственное мое развлечение на вечер.

Неудивительно, что и приготовление ужина заканчивается моим поражением, настолько унижительным, что спасти ситуацию может только Арт. Скомкав фартук и бросив его на стол, я выхожу из кухни, но Шон останавливает меня, мягко взяв за руку. Оборачиваюсь и, дождавшись, пока он поднимет взгляд, говорю:

— Это не твоя вина.

Рид вздыхает и неожиданно прижимает меня к себе так крепко, что не вдохнуть, но я и не пытаюсь вырваться. Под крепкой хваткой его широких ладоней все, что было выстроено между нами, рассыпается окончательно, но на этих руинах зарождается новое, что может стать началом хорошей дружбы.

— Мы найдем его, — уверяет Шон, и я закрываю глаза, разрешив себе надеяться.

...Если Ник сам когда-нибудь вообще захочет, чтобы его нашли...

Арта я нахожу в гостинной. Он сгорбился за компьютером и внимательно что-то читает.

— Знаю, что сегодня не твоя очередь готовить, но, — делаю длинную паузу, — кажется, спасти наш ужин больше некому.

Кавано поворачивает голову, и я уже готова к его привычному улыбающемуся взгляду, но вместо этого в глазах Артура настороженность.

— Тебе надо это увидеть, — говорит он. Настороженность в его взгляде сменяется серьезностью — это настолько не свойственно Арту, что боль в висках вновь начинает пульсировать, словно предсказывая неладное.

— Что именно?

Я присаживаюсь рядом, прикидывая, насколько хуже обстоятельства еще могут стать по сравнению с тем, что уже случилось. Арт вздыхает:

— Ты знала, что Джесс тайно тренировал Ника?

— Да, он же упоминал в дневнике.

— Кажется, Ник был не единственным, кого тщательно готовили.

Я внимательно смотрю в глаза Кавано, ожидая продолжения.

— В одной из папок я нашел записи о тренировках Тайлера. Ты в курсе, что, прежде чем попасть в Эдмундс, он сбежал из трех интернатов?

— Да, я читала об этом в письме.

— На самом деле меня заинтересовало кое-что еще. Тебе стоит на это взглянуть.

— О нет. Я не выдержу осознания, что разрушила еще чью-то жизнь. Тайлер из-за меня остался в Эдмундсе, значит, и погиб тоже из-за меня. К тому же, судя по дневнику Ника, я и сердце ему разбила.

— Боюсь, на этот раз ты ошибаешься.

Арт замолкает. А потом произносит так, словно пытается вложить в слова больше смысла и сожаления, чем может показаться:

— Он остался не потому, что встретил тебя. Он остался потому, что нашел Ника.

TOP SECRET

File name: File No.

Материалы дела. Объект Кор-2. Тайлер Ламм
Расшифровка аудиозаписи консультации
с психологом

ДЕЛО № 454738-5488

C L A S S I F I E D

Корвус Коракс.

Закрытые материалы

— Здравствуй, Тайлер, как самочувствие?
Рада видеть тебя.

— Валяйте уже, спрашивайте.

— О чем? Я думала, мы с тобой еще много лет
назад договорились, что, если ты захочешь поде-
литься, расскажешь сам.

— Зачем тогда опять нужны эти встречи?

— Чтобы помочь тебе разобраться в себе.

— Думаете, получится?

— А как тебе кажется?

— Все равно ведь мне тут весь час торчать.

— Хорошо. Тогда начну я. Мне пришел рапорт
из Африки. Ты очень храбро показал себя на по-
следнем задании. Не хочешь поговорить об этом?

молчание

— Как твой напарник? Ник уже пришел
в себя?

молчание

— Тайлер? Тайлер, стой! Остановите его
кто-нибудь!.. Тайлер, мы же не закончили...

ДЕЛО № 454738-5488

Приложение к личному делу 2004-109.

Вырезки из ДНЕВНИКА

Объект Кор-2. Тайлер Ламм

...Ворота приюта Святого Стефана остались позади, как и все идиоты, живущие там. Почему эти недоумки никак не могут понять, что мне не нужна новая семья? Не нужен их кретинский приют. Никто не нужен.

Я шагал по дороге, чуть сторбившись, чтобы не светить лицом на городских камерах. Капюшон на голове, черный рюкзак за плечами, эстакада под подошвами кед, и вот он — район, который я помнил.

На первый взгляд, здесь ничего не изменилось. Тот же мол слева, те же дома с подстриженными лужайками — для тех, кто побогаче, — справа, тот же ларек с мороженым, что и прежде, и даже тот же самый продавец улыбается такой же улыбкой. Но для меня этот мир навечно стал другим. А для этих людей не изменилось ничего. И я их за это ненавидел. Они продолжали жить, куда-то спешить, смеяться, а я словно застрял в пространстве между прошлым и настоящим. Ни туда, ни обратно. И нигде мне нет места. И никому до меня нет дела.

Засунув руку в карман толстовки, я проверил, на месте ли газета: пока она со мной, я не сойбьюсь с цели. Пройдя еще квартал, я остановился и поднял глаза. Дом глядел на меня полуарками зажженных окон. О том, что год назад внутри произошел пожар, не напоминало ничего. Фасад перекрасили, выбитые рамы застеклили, даже лепнина, что той ночью сыпалась, словно каменный

Дело № 454738-5488

Дело № 454738-5488

град, выглядела как новая. Дом снова стал прежним, таким, каким я запомнил его в день переезда. Только вот я сам прежним стать не мог. Вся моя жизнь сгорела за одну ночь, прямо в неразобранных коробках.

Я достал из кармана сложенную вчетверо пожелтевшую газету, открытую на развороте с пожаром, и едва сдержался, чтобы не смять ее в кулаке. *«Неосторожное обращение с огнем младшего из сыновей привело к трагической гибели известной в городе художницы»*. С фотографии на меня глядела вся его семья. Журналисты в статье выражали соболезнования, равнодушные готовы были скинуться деньгами, только вот о моей маме и Лор — ни слова. Словно нас и не существовало, хотя квартира этажом выше, в которую мы въехали в тот день, сгорела полностью. Люди, которых я любил, превратились в пепел. Но самое главное — даже воспоминания о них никто не стал хранить. Я мог умереть тогда — задохнуться в дыму, попасть под огонь. Мог погибнуть от голода, когда из приюта сбежал, но я все еще жив. И эта мысль не давала покоя. Потому что смерть никого не отпускает просто так.

Я медленно поднялся по ступенькам. Пригладил ладонью волосы и позвонил в первую попавшуюся квартиру. Дело оставалось за малым — прикинуться другом младшего из Лавантов и узнать, куда они переехали. Вдох-выдох, улыбка на лицо. Стараться вести себя спокойнее.

Все получилось с третьей попытки. Пожилая женщина, живущая на одной площадке